

Волостных И. А., Невзорова С. В.

[НАТУРМОРФНАЯ МЕТАФОРА В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ЭМОЦИЙ](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/15.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 37-38. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В современной филологии существует труднообозримая научная литература, посвященная метафоре. Традиционно повышенный интерес к изучению метафоры в различных науках объясняется ее культурной релевантностью для любого этноса. Культурная релевантность метафоры как лингвокогнитивного феномена заключается в ее полифункциональной природе.

Сущность метафоры следует раскрыть через ее определение и характеристики. Современные исследования метафоры основываются на одной фундаментальной идее, идущей от Аристотеля, - идее метафорического переноса [Петров 1990: 135]. Аристотель рассматривал метафору как сокращенное сравнение, из которого исключено указание на общий признак сравниваемых объектов [ЛЭС 1990: 296-297]. Метафора (от греческого *metaphora* - перенос) как специфическое языковое явление рассматривается отечественными и зарубежными лингвистами прежде всего как «троп или механизм речи, обозначающий некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Арутюнова 1990: 296].

В настоящее время появились более усложненные концепции метафоры. Метафора не просто сравнивает, она уподобляет одно другому, и в этом смысле «она является не поверхностной, а глубинной семантической структурой» [Шувалов 2001: 87].

Сам термин «метафора» можно использовать в 2-х значениях: как результат и как процесс. Одни исследователи (например, В.Н. Телия) полагают, что именно деятельностный подход к метафоре напрямую связан с человеческим фактором в языке, то есть на метафору можно посмотреть и как на микромодель, выражающую микрокосмос индивидуально-авторского образного видения мира. Другие (П. Рикер, например) склонны считать, что метафора обладает еще и изобразительной функцией, а сам метафорический процесс можно осмысливать как познание, воображение и ощущение.

В рамках теории метафоры существует множество направлений и классификаций этого явления. Мы придерживаемся структурно-семантической концепции, согласно которой выделяются следующие типы метафоры: антропоморфная, натурморфная, зооморфная и флористическая.

Наблюдения над сочетательными способностями номинантов эмоций в русском и французском языках иллюстрируют чрезвычайно продуктивное использование в качестве объекта сравнения во вторичных номинациях предметов физического мира. Здесь речь идет о натурморфной метафоре. Под ней понимается перенос наименований реально существующих предметов на культурные психические факты внутреннего мира человека.

Натурморфная метафора имеет разную структурную оформленность. Ее компонентами могут быть такие знаменательные части речи, как глаголы, субстантивы и адъективы.

Анализ натурморфной метафоры традиционно начнем с ее глагольного типа. Так как в роли активного метафоризирующего элемента выступает глагол, то целесообразно семантически классифицировать глагольную натурморфную метафору на несколько субтипов: первый ее субтип – *aquaverbum* (лат. *aqua* – вода), второй – *ruoverbum* (лат. *ruo* – огонь), третий – *aeroverbum* (лат. *aero* – воздух).

К числу наиболее распространенных в русском языке относится семантический класс *aquaverbum*. В нем мы обнаружили следующие высказывания, в которых имеет место сопоставление понятий «вода» и «эмоция»: «*Параша отправилась в Киев, ощущая в себе прилив нежной грусти*» (Лесков); «*Хотела б смертная тоска излиться воплем и слезами*» (Баратынский); «*Может, я мешаю печали вашей вольно изливаться*» (Пушкин); «*И я б ополл тебя чистой печалью*» (Пастернак); «*...бессмысленно приговаривал Николай, задыхаясь от животного страха и потребности излить этот страх*» (Л. Толстой); «*А тоска мою выпила кровь*» (Ахматова). Во французском языке семантический субтип *aquaverbum* представлен всего лишь двумя примерами: «*La pauvre femme ne pouvait pas déverser sa tristesse et se sentait brusquement triste à pleurer*» (Duras); «*Dans ses yeux de merlan frit clapotait un chagrin*» (Troyat).

Второй семантический класс глагольной натурморфной метафоры *ruoverbum* в русском языке также достаточно распространен: «*...Когда ты злобен, или болен, тоской иль страстию палим*» (Блок); «*Страшный страх, полымем охвативший Макара, исчез*» (Шолохов); «*Дай тоске и скуке в тебе копиться и гореть*» (Блок); «*Только легкая грусть, словно дымкой, обволакивала его сердце...*» (Шолохов). Во французском языке данный субтип оказался более распространенным, чем ранее рассмотренный вариант: «*La peur panique s'allume dans tout son corps*» (Simenon); «*La tristesse profonde réduisait en cendres son âme et son cœur, elle se sentait triste comme une maison démeublée*» (Sagan); «*Seulement la tristesse légère enveloppe son cœur*» (Sabatier).

Третий семантический субтип (*aeroverbum*) глагольной натурморфной метафоры в русском языке оказался менее распространенным, чем два предыдущих субтипа. В исследуемом материале был обнаружен лишь один пример данного семантического типа глагольной натурморфной метафоры: «*печаль пронзила мне лицо дикой свежестью и силой*» (Толстой). Во французском языке также обнаружено небольшое количество

примеров семантического субтипа *aeroverbum*: «*La peur le transit*» (Japrisot); «*Tout commençait à trembler dans son âme quand la peur gonflait à moi*» (Simenon).

Натурморфная метафора по своей частеречной принадлежности может быть не только глагольной, но и субстантивной. В русском языке эмоции, являющиеся компонентом натурморфной субстантивной метафоры, сравниваются с такими природными явлениями, как воздух («*Такая буря мыслей, воспоминаний и печали вдруг поднялась в его душе, что он не мог спать*» (Л. Толстой)); как вода («*прилив страха*» (Белый); «*отлив ужаса*» (Белый)). Нередко эмоции в субстантивной натурморфной метафоре связаны с выражением лица человека («*складки грусти*» (Толстой)).

Во французском языке эмоции сравниваются так же, как и в русском, с водой («*une vague de peur*» (Sadoul)); с воздухом («*une nue de tristesse*» (Exbrayat); «*un accès de peur*» (Exbrayat)); а также с огнем («*un léger voile de tristesse*» (Bailly); «*une étincelle de peur*» (Mauriac)). Иногда эмоции во французском языке имеют количественные параметры – «*un accroissement de la peur*» (Sabatier).

Адъективная натурморфная метафора в исследуемом русскоязычном материале оказалась более распространенной по сравнению с субстантивной метафорой. Однако ее семантическая классификация при этом не отличается каким-либо разнообразием. Установлены всего лишь два субтипа натурморфной метафоры: 1) цветовая метафора («*седая печаль*» (Толстой); «*тоска зеленая*» (Петров)); 2) температурная метафора («*горячий страх*» (Шолохов); «*леденящая тоска*» (Платонов); «*пламенная тоска*» (Петров)). Во французском языке адъективная натурморфная метафора количественно уступающая ее субстантивному варианту, семантически классифицируется на следующие субтипы: 1) цветовая метафора («*une peur blanche*» (Sadoul)); 2) квалиативная метафора («*une tristesse vague*» (Mauriac); «*une peur sourde*» (Exbrayat); «*une tristesse dense*» (Icor)).

В отдельных случаях в структуру развернутых метафорических дескрипций входит вербально выраженный компонент сравнения: «*la tristesse comme la mort*» (Duras); «*la peur ... comme un poison*» (Druon); «*La peur vague avec moi comme mon ombre*» (Icor).

Таким образом, высокая продуктивность натурморфной метафоры объясняется ее традиционно непреходящей практической ценностью для нашей жизни. Наиболее часто эмоции уподобляются таким явлениям материальной культуры, как «вода», «дым», «огонь», «воздух». Натурморфная метафора нередко выражается не только глаголами, но и субстантивами и адъективами. Последние, с точки зрения их семантики, обычно выражают значения температуры и цвета.

Список использованной литературы

1. Арутюнова, Н.Д. Метафора //Лингвистический энциклопедический словарь. / Н.Д. Арутюнова. - М.: Сов. энцикл., 1990. С. 296-297.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
3. Петров, В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. / В.В. Петров. – М.: 1990, № 3, с. 135-146.
4. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты./ В.Н. Телия.- М., 1996. С. 23-52.
5. Телия, В.Н. О методологических основаниях в лингвокультурологии// Межд. конференция «Логика, методология, философия науки»./ В.Н. Телия.– М., Обнинск 1995, с. 118-137.
6. Телия, В.Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира. // Роль человеческого фактора в языке. / В.Н. Телия. – М., 1988.

АНАЛИЗ НАУЧНО-УЧЕБНОГО ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Вострикова Т. И.

Астраханский государственный университет

Формирование профессионально-коммуникативной компетенции будущего учителя предполагает не только знание сути того или иного метода обучения, но и ясное представление о коммуникативных особенностях его воплощения. Иными словами, сегодняшний студент состоится завтра как учитель лишь при условии, что он чувствует и понимает природу определенного педагогического жанра.

В основе существования речевых жанров лежит, как известно, стереотипность высказывания. Действительно, «тип текста (в широком смысле) – это образец, модель однородной группы текстов, имеющих общие, характерные для этой группы экстра- и интралингвистические признаки, обусловленные определенным родом речемыслительной деятельности, сферой коммуникации и речевой ситуацией» [Соловьян 1984: 112].

Итак, будущему педагогу важно осознавать, что формы языка, различного рода языковые явления будут глубоко поняты и осознаны учащимися, если учитель обладает умением распознавать и самостоятельно строить *завершенные типизированные речевые высказывания*, применять на практике определенные образцы (модели, стереотипы) таких высказываний.

Исходя из изложенного выше, мы считаем, что важной составляющей профессиональной подготовки будущего учителя русского языка являются анализ, а также частичное продуцирование научно-учебного диа-